

Секция 2

ХРИСТИАНСТВО КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

О. ЛЕВИЦКИЙ: О РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЕ В ЗАПАДНОРУССКОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XVI – СЕРЕДИНЕ XVII в.

Е.Е. Барсук

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Украинский историк конца XIX – начала XX в. Орест Левицкий, редактор и автор предисловия к шестому тому, части первой многотомного археографического издания «Архив Юго-Западной России», на основе изучения документов по истории конфессиональных отношений на белорусских и украинских землях в Речи Посполитой за 1322–1648 гг., делает вывод о национальном характере конфессиональной борьбы, сравнивая ее с ростом национального и сословного самосознания и борьбой за соответствующую идентификацию в Западной Европе. По образному выражению О. Левицкого, православная вера была «хранилищем народного духа», ее защита отождествлялась с защитой «основ народности русской» и была поставлена «в живую органическую связь с насущными интересами политической, общественной, экономической жизни края» [1, с. 2].

Брестскую церковно-религиозную унию историк также рассматривал как одно из средств борьбы за национальную идентификацию, указывая на тот факт, что польское правительство рассчитывало использовать унию для сплочения «народности с коренным населением и увеличения его политической силы» [1, с. 6]. В то же время «русское население (шляхта, мещане, казаки, крестьяне) Речи Посполитой под знаменем защиты веры отстаивало неприкосновенность экономических, национальных, сословных, политических и других прав и интересов» [1, с. 3]. Левицкий оценивал значение униатства как «громдного церковно-общественного переворота», который не совершается «одной волей правительств, а является результатом внутренних органических повреждений, нарушений хода жизни общества» [1, с. 8]. Брестский Собор в октябре 1596 г., по мнению историка, «небывалое ни пред тем, ни после, явление в церкви русской. Состоял из двух кол (отделений) духовного и светского, более многочисленного» [1, с. 100]. Исследователь не разделял негативную оценку итогов унии, отмечая, что она принесла «бедствия и пользу – провела черту между истинными ревнителями православия и его врагами, стала очистительным клапаном, открывшим исток для накопившихся веками нечистых соков» [1, с. 18]. Левицкий критиковал официальную точку зрения православной историографической традиции о причинах утверждения унии во влиянии иезуитов, дискриминации православных и невежества, указывая, что «приписывать исключительно козням

и проискам иезуитов совершение унии мелочно», ссылая на систематические преследования православных не состоятельна (документальная база отсутствует), а недостаток образования наблюдался до унии и после нее [1, с. 8–9]. При этом соглашается с мнением большинства российских историков XIX в., которые среди причин называют «упадок монастырей, узурпацию светскими лицами высших церковных достоинств, их куплю-продажу» [1, с. 10].

Орест Левицкий утверждал, что принятие и распространение унии было обусловлено историческими предпосылками и системным кризисом Церкви [1, с. 18]. По словам историка, церковь теряла свой авторитет в глазах современников, «болела тяжким недугом» [1, с. 16]. В доказательство своих слов приводил цитату из письма 1593 г. К. Острожского к И. Потюю «не заступаются за церковь Божию и за веру свою старожитную. Но еще сами насмеваются над ней и в различные секты убегают» [1, с. 11]. По мнению историка, иезуиты только воспользовались обстоятельствами и активное влияние польского правительства начинается с момента согласия православных иерархов на унию [1, с. 17, 15].

Среди предпосылок («условий эпохи») он называл влияние «религиозных брожений» в Европе и открытое распространение протестантских учений в Польше и Литве [1, с. 19, 43–44]. По мнению историка, разделявшего точку зрения митрополита Макария, протестантизм «расшатывал верования и порождает безразличие и вольнодумство», поражая католицизм, «нанес урон православию и значительно облегчил задачу иезуитам» [1, с. 9, 47].

Важнейшим условием распространения униатства О. Левицкий считал «тесное сближение Литвы с Польшей», особенно после Люблинской унии, и «наплыв польско-шляхетских обычаев, вторжение понятий и форм чуждого национального, общественного и экономического строя» [1, с. 20]. Это заимствование способствовало усвоению «польской образованности и языка, обычаев», понятия «русь» и «ляхи» сливаются в одном термине «шляхта и рыцарство закону греческого и римского», шляхта меняла «старую русскую веру на новую шляхетскую, католическую» [1, с. 46].

Принцип единоначалия в иерархической структуре католической церкви разнился от соборного начала православной церкви, предполагавшего избрание иерархов и широкое участие мирян в делах церкви [1, с. 27]. О соборности говорит и практика проведения православных Соборов. Так, в Брестском соборе участвовали послы от поветов, церковных братств и городов [1, с. 26]. Тезис о том, что миряне не могут быть судьями пастырям и обязаны следовать тому, чему их учат пастыри, низшее духовенство не может обсуждать действия своих архиереев, а рассуждать об учении церкви могут только высшие иерархи, обусловил его использование в пропаганде унии [1, с. 104]. Признай

православные верховенство папы, они получают безусловный авторитет пастырей и место в Сенате [1, с. 89–90]. Униатские полемисты выступили против решений православного Брестского собора, утверждая, что «Собор – это трибунал одних епископов, миряне не могут в нем участвовать». Левицкий сделал вывод, что религиозная полемика, за исключением догматических разногласий, сводилась к спорам о пределах иерархической власти и праве участия мирян в делах церкви. В то же время он говорил о разобщенности антиуниатской оппозиции, несмотря на некоторое сближение православных с протестантами в борьбе против «латинства», что в свою очередь вызывало обвинения в распространении ересей. А также он отмечал разные мнения в православной среде, что приводило к «крайностям (страстности в борьбе)» и привело к переходу Смотрицкого в унию [1, с. 110].

Левицкий со ссылками на конкретные документы, опубликованные не только в первой части «Архива Юго-Западной России», относящейся к истории западно-русской православной церкви, но и в «Актах Западной России» доказывает, что основные причины распространения унии находились внутри самой церкви: «в порче коренных основ организации церкви, в внутренних язвах, беспорядках тогдашней церковной иерархии, деморализации большинства ее представителей» [1, с. 10]. Так, по выражению Левицкого, «дезорганизация церковно-иерархических отношений» привела к злоупотреблениям в высшей церковной иерархии, случаям «узурпации светскими лицами церковных достоинств, куплю-продажу епископий и архимандритств» [1, с. 30]. Все духовные должности стали считаться доходным местом («хлебом духовным»), которое можно было выслужить у короля за разные услуги или купить за деньги [1, с. 68]. Злоупотребление правом «подаванья столиц духовных и всех хлебов духовных» или правом жалованья архиерейских кафедр, монастырей и церковью принесло «страшное зло православной церкви, противоречило выборному началу и привело к крайнему расстройству» православной церкви [1, с. 32].

Именно патронатство – «обоюдоострое оружие», служившее для защиты и нападения – орудие произвола, продажи священнических мест, изъятия земель, закрытия храмов, стало «благодатной почвой взращения унии», поскольку выработался принцип: «чье подаванье, тому и послушание попов» [1, с. 48, 50]. Вследствие чего клир распался на две группы: высшая иерархия относившая себя к шляхте духовного стану, и низшее духовенство – «посполитого стану» [1, с. 47–48]. Шляхтичи-иерархи становятся обладателями многочисленных церковных владений и по богатству равнялись со знатными вельможами, старались «подобно им вести праздную роскошную и веселую жизнь», нарушали церковные каноны, пренебрегали пастырскими обязанностями и вели «открытую погоню за наживой» [1, с. 58, 61, 10, 11]. Среди низшего духовенства

распространено невежество, «великое грубиянство и небалость», а по словам З. Копыстенского, сельское духовенство – «одно сметье людское, голодное и неукове тиснулись» [1, с. 10,53].

Одна из причин кризиса Церкви – нравственная распущенность высшего католического и православного духовенства, которое, как и в Европе, предавалось «страсти к обогащению, заботилось о суете мирской, утопало в открытом разврате» [1, с. 62]. Исследователь приводит массу примеров сибаритства, разврата, алчности, страсти к обогащению западно-русских архиереев, бравших пример с собратьев-католиков. В первом случае Левицкий ссылается на работу Михалона «О нравах татар, литовцев, москвитян», во втором – на конкретные документы, например, письмо львовских братчиков Константинопольскому патриарху 1592 г. о «распутстве, зловерии и злонравии» православной церкви, послание Гедона Балабана, перечень 70 документов гродского Владимирского суда о судебных дел К. Тарлецкого за 10 лет [1, с. 64, 12, 58, 59, 67]. Миряне начинали рассматривать унию как средство дисциплинировать местную иерархию и ввести надлежащий порядок в церковные отношения. В подтверждение своего мнения Левицкий приводит цитату из упоминаемого выше письма львовских братчиков о том, что «вера Христова может исповедываться и под римской властью» [1, с. 12].

Еще одна причина распространения унии – реорганизация деятельности православных братств и получение ими ставропигии в конце XVI – начале XVII в. Братства, в основу деятельности которых был положен принцип соборного начала, стали рассматриваться как средство выхода из кризиса церкви [1, с. 14, 76]. Имея полномочия от восточных патриархов наблюдать за жизнью и нравственностью мирских и духовных людей, контролировать действия архиереев, братства стремились «протереть свое влияние на высшее управление западно-русской церкви» [1, с. 80]. По мнению Левицкого, недовольные контролем со стороны мирян иерархии «отправились договариваться относительно унии с польским правительством», поскольку «не склонны были сносить контроль церковных братств, которые в шляхетских глазах были не более как сборищем «хлопов, шевцов, седельников и кожемяков», обеспеченных поддержкой именитых покровителей (Острожских, Вишневецких, Скуминов, Мстиславских, Соколинских, Масальских и др.). Историк ссылается на реестр Виленского православного братства. Он отмечает борьбу внутри православной церкви, поскольку по инициативе братств и мирян началось «церковно-преобразовательное движение, вызвавшее борьбу вследствие упорного противодействия ему высшей иерархии» [1, с. 100]. Это привело к расколу в православной церкви на два направления церкви: иерархическое, примкнувшее к латинству и соборное [1, с. 102]. Левицкий сравнивает Брестскую унию с расколом в Русском государстве и определяет их отличия. Раскол в Северо-восточной Руси

порожден «грубым невежественным отношением народной массы и низшего духовенства к предметам веры и церковной обрядности». В Юго-западной Руси против выступили верхние церковно-общественные силы под влиянием Реформации [1, с. 17].

Таким образом, уния закрепила раскол и стала «великим символом системы иерархического полновластия в церковных отношениях», исключила право на самоопределение в делах веры и самоуправления как религиозно-общественной организации [1, с. 103]. По мнению исследователя, применение принципа шляхетской олигархии в церковной сфере способствовало распространению униатства. Уния, несмотря на «первоначальную малозначительность ее приверженцев и всеобщее негодование ее появлением, начала приобретать сочувствие и поддержку в среде русской шляхты» [1, с. 103]. Православие осталось «знаменем церковно-соборного строя, основанного на евангельской идее всеобщего равенства верующих как членов церкви без различий званий и положений [1, с. 103]. Истинные поборники православия, полагавшие за него свое достояние, свободу и самую жизнь, выходили из среды низших сословий мещан, низшего духовенства и простого народа в лице казаков [1, с. 104]. Соборный принцип сохранил церковь во время отсутствия иерархии, когда в защиту православия выступило казачество, основаны два известных братства Луцкое и Киевское Богоявленное и «наступила эпоха возрождения, украшенная именами Иова Борецкого и Петра Могилы» [1, с. 111,112].

Список использованных источников

1. Левицкий, О. Предисловие // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1883. – Ч. 1. Т. 6: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648). – С 1–182.